

Николай Лесков

Голос природы

Николай Семёнович Лесков
Голос природы
Серия «Рассказы кстати», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174942

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	6
Глава третья	9
Глава четвертая	12
Глава пятая	16
Глава шестая	20

Николай Лесков

Голос природы

Глава первая

Известный военный писатель генерал Ростислав Андреевич Фаддеев, долго сопутствовавший покойному фельдмаршалу Барятинскому, рассказывал мне следующий забавный случай.

Проезжая с Кавказа в Петербург, князь однажды почувствовал себя в дороге нездоровым и позвал доктора. Было это, если я не ошибаюсь, кажется, в Темир-Хан-Шуре. Доктор осмотрел больного и нашел, что опасного в его состоянии ничего нет, а что он просто утомился и ему необходимо отдохнуть один день без дорожной качки и тряски в экипаже.

Фельдмаршал послушался доктора и согласился остановиться в городе; но станционный дом был здесь прескверный, а частного помещения, по непредвиденности такого случая, приготовлено не было. – Явились неожиданные хлопоты: куда поместить на сутки такого именитого гостя.

Пошла суета да беганье, а нездоровый фельдмаршал тем временем поместился в почтовой станции

и улегся на грязном диване, который для него только чистою простынею покрыли. Между тем весть об этом событии, разумеется, скоро облетела весь город, и все военные побежали поскорее чиститься и парадиться, а штатские – сапоги наваксили, виски припомадили и столпились против станции на другом тротуаре. Стоят и фельдмаршала высматривают – не покажется ли в окно?

Вдруг, ни для кого неожиданно и негаданно, один человек всех сзади распихал, выскочил и побежал прямо на станцию, где фельдмаршал на простыне на грязном диване лежал, и начал кричать:

– Я этого не могу, во мне голос природы воздымается!

Посмотрели на него все и подивились: что за нахал такой! Местные обитатели все этого человека знали, и знали, что сан у него не велик – так как он был не штатский, не военный, а просто смотрителишка при каком-то местном маленьком интендантском или комиссариатском запасе, и грыз вместе с крысами казенные сухари да подошвы, и таким манером себе как раз через дорогу против станции хорошенький деревянный домик с мезонином нагрыз.

Глава вторая

Прибежал этот смотритель на станцию и просит Фаддеева, чтобы непременно о нем доложить фельд-маршалу. Фаддеев и все другие стали его отговаривать.

– Зачем вам, – это совсем не требуется и никакого приема чинов тут не будет, – фельдмаршал здесь только для временного отдыха от своей усталости и, как отдохнет, опять уедет.

А интендантский смотритель на своем стоит и еще больше воспламенился – просит, чтобы непременно о нем князю доложили.

– Потому что я, – говорит, – не славы ищу и не почестей, а в том самом виде именно и предстою, как вами сказано: не по службе, а по усердию моей ему благодарности, так как я всем на свете князю обязан и теперь во всем моем благоденствии, голосом природы возбуждаем, желаю ему благодарно долг отдать.

Его спросили:

– А в чем ваш долг природы заключается?

А он отвечает:

– Таков мой долг благодарной природы, что князю здесь в казенной неопрятности нехорошо отдыхать, а у меня как раз отсюда визави дом, свой дом с мезо-

нином, и жена у меня из немок, дом наш содержится в чистоте и опрятности, то у меня для князя и для вас есть на мезонине комнаты светлые, чистые, везде на всех окнах занавески белые с кружевами, и на чистых постелях тонкое белье полотняное. Я желаю с большим радушием принять у себя князя, как отца родного, потому что я всем в жизни ему обязан и без того отсюда не пойду, чтобы ему не было доложено.

Так он настойчиво на этом стоял и не хотел уходить, что фельдмаршал из другой комнаты услышал и спрашивает:

– Какой это шум? Нельзя ли мне доложить: о чем такой разговор слышно?

Тогда Фаддеев все доложил, а князь пожал плечами и говорит:

– Решительно не помню, какой такой это человек и чем он мне обязан; а впрочем, посмотрите его комнаты, которые он предлагает, и если они лучше этой лацуги, то я приглашение его принимаю и за беспокойство ему заплачу. Узнать – сколько хочет?

Фаддеев пошел мезонин у интенданта осмотрел и докладывает:

– Помещение очень спокойное и чистота необыкновенная, а про плату хозяин и слышать не хочет.

– Как так, и отчего? – спросил фельдмаршал.

– Говорит, что он много вам обязан и голос приро-

ды его побуждает за счастье выразить вам долг благодарности. А иначе, – говорит, – если платить хотите, то я и дверей своих открыть не могу.

Князь Барятинский засмеялся и этого чиновника похвалил.

– Однако, я замечаю, – говорит, – он молодец и с характером – это в нашей стороне стало редко, и я таких людей люблю: вспомнить, чем он мне обязан, я не могу, но к нему перейду. Давайте вашу руку и идем отсюда.

Глава третья

Перешли улицу и... во двор; а у калитки уже фельд-маршала встречает сам смотритель – припомажен, приглажен, на все пуговицы застегнут и с лицом самым радостным.

Князь как оглянулся вокруг – видит, все чисто, светло сияет, за палисадником зелень веселая и розы в цвету. Князь и сам развеселился.

Спросил:

– Как хозяина зовут?

Тот отвечал что-то вроде Филипп Филиппов Филиппов.

Князь продолжает с ним разговор и говорит:

– Очень у тебя хорошо, Филипп Филиппыч, – и мне нравится; только одного я никак припомнить не могу: где и когда я тебя встречал или видел, и какое я тебе мог одолжение сделать?

А смотритель отвечает:

– Ваша светлость меня очень видели, а когда – это если забыли, то после объяснится.

– Зачем же после, когда я сейчас тебя хочу вспомнить.

Но смотритель не сказал.

– Прошу, – говорит, – у вашей светлости проще-

ния: если вы сами этого не вспомнили, то я сказать не смею, но голос природы вам скажет.

– Что за вздор! какой «голос природы», и отчего ты сам сказать не смеешь?

Смотритель отвечает: «так, не смею», и глазами потупился.

А тем временем они пришли на мезонин, и здесь еще лучше чистота и порядок: пол весь мылом вымыт и хвощом натерт, так что светится, посередине и вдоль всей чистенькой лестницы постланы белые дорожки, в гостиной диван и на круглом переддиванном столе большой поливанный кувшин с водою, и в нем букет из роз и фиалок, а дальше – спальная комната с турецким ковром над кроватью, и опять столик и графин с чистой водой и стакан, и снова другой букет цветов, а еще на особом столике перо, и чернильница, и бумага с конвертами, и сургуч с печатью.

Фельдмаршал сразу окинул все это глазом, и очень ему понравилось.

– Видно, – говорит, – что ты, Филипп Филиппыч, человек полированный, знаешь, что как следует, и я тебя действительно как будто где-то видел, но не могу вспомнить.

А смотритель только улыбается и говорит:

– Не извольте беспокоиться: через голос природы это все объяснится.

Барятинский рассмеялся:

– Ты, – говорит, – братец, после этого и сам не Филипп Филиппович, а «голос природы», – и очень этим человеком заинтересовался.

Глава четвертая

Лег князь в чистую постель – ноги и руки вытянул, и так хорошо ему стало, что он сразу же задремал: проснулся через час в прекрасном расположении, а перед ним уже стоит прохладный шербет вишневый, и этот самый хозяин просит его выкушать.

– Вы, – говорит, – на лекарства медиков, ваша светлость, не полагайтесь, а у нас природа и вдыхание атмосферы пользуют.

Князь весело ему отвечает, что все это, говорит, очень хорошо, но я тебе должен признаться – я у тебя прекрасно спал, но, черт меня возьми, и во сне все думал: где же я тебя видел, или никогда не видал?

А тот отвечает:

– Нет, – говорит, – вы изволили очень хорошо меня видеть, но только совершенно в другом виде природы и потому теперь не признаете.

Князь говорит:

– Хорошо, пусть так; но теперь здесь, кроме меня и тебя, никого нет, если же там в соседней комнате кто есть – то вышли всех их вон, пусть на лестнице постоит, а ты мне откровенно скажи без всякой секретности: кто ты такой был и в чем твоя преступная тайна, – я могу тебе обещать выпросить прощение и обещание

свое исполню, как есть я истинный князь Барятинский.

Но чиновник даже улыбнулся и отвечал, что за ним ровно никакой провинной тайности нет и никогда не было, а он не смеет только «skonфузить» князя за его непамятливость.

– Так и так, – говорит, – я вашу светлость за ваше добро постоянно помню и на всех молитвах поминаю; а наш государь и вся царская фамилия постоянно кого раз видели и заметили – того уж целый век помнят. Потому дозвоьте, – говорит, – мне вам словесно о себе ничего не вспоминать, а в свое время я все это вам в ясных приметах голосом природы обнаружу – и тогда вы вспомните.

– А какое же ты к этому средство имеешь голосом природы все обнаруживать?

– В голосе природы, – отвечает, – все средства есть. Князь улыбнулся чудаку и говорит:

– Это твоя правда, – сказал князь, – забывать скверно, и наш государь и царская фамилия действительно удивительно какие памятливые; но у меня память слабая. Не снимаю с тебя воли, делай как знаешь, только я желаю знать: когда же это ты будешь мне свой голос природы обнаруживать, потому что я себя теперь в твоём доме уже очень хорошо почувствовал и после полуночи, холодком, хочу выехать. А ты мне должен сказать: чем тебя наградить за мой по-

кой, который я у тебя имел, – потому что на это уже таков есть мой обычай.

Смотритель отвечает:

– Я до полуночи успею вашей светлости вполне весь голос природы открыть, если только вы в рассуждении моей награды не откажете мне то, что я составляю себе за драгоценнейшее.

– Хорошо, – отвечает князь, – даю тебе свое слово, что все, о чем попросишь, я тебе сделаю, но только не проси невозможного.

Смотритель отвечает:

– Я невозможного просить не стану, а у меня такое желание больше всего на свете, чтобы вы явили мне протекцию – сошли ко мне в нижние покои и сели с нами за стол и что-нибудь скушали, или даже хоть просто так посидели, потому что я нынче справляю мою серебряную свадьбу, после двадцати пяти лет, как я на Амалии Ивановне женился по вашему милосердию. А будет это к вечеру в одиннадцатом часу; в полночь же, как вам угодно, вы можете благопристойно холодком выехать.

Князь согласился и слово дал, но только все-таки опять никак не мог вспомнить: что это, и откуда этот человек, и отчего он двадцать пять лет тому назад женился на Амалии Ивановне по его милосердию?

– Я даже с удовольствием пойду на ужин к этому

чудаку, – сказал князь, – потому что он меня очень занимает; да и по правде сказать: мне самому что-то помнится, не то насчет его, не то насчет Амалии Ивановны, а что именно такое – припомнить не могу. Подождем голоса природы!

Глава пятая

К вечеру фельдмаршал совсем поправился и даже ходил гулять с Фаддеевым – город посмотрел и закатом солнца полюбовался, а потом, как возвратился домой в десять часов, хозяин уже его ждет и к столу просит.

Князь говорит:

– Очень рад, сейчас приду.

Фаддеев пошутил, что это даже и кстати, потому что он после прогулки почувствовал аппетит и очень хотел съесть, что там Амалия Ивановна наготовила.

Барятинский опасался только того: не посадил бы его хозяин на первом месте и не стал бы подавать много шампанского да потчевать. Но все эти опасения были совершенно напрасны: смотритель и за столом показал столько же приятного такта, как и во все предыдущие часы, которые князь провел в его доме.

Стол был накрыт щеголевато, но просто; в зале, очень просторном, сервировка опрятная, но скромная, и зажжены два черные чугунные канделябра прекрасной французской работы, в каждом по семи свечей. А вино стоит хороших сортов, но все местное, – но между ними толстопузенькие бутылочки с ручными надписями.

Это – наливки и водицы разных сортов и превосходного вкуса, и малиновые, и вишневые, и из крыжовника.

Стал смотритель гостей рассаживать и тоже опять показал свою ловкость: не повел князя в конец стола к хозяйскому месту, а усадил его, где тот сам хотел, – между адъютантом князя и прехорошенькой дамочкой, чтобы было фельдмаршалу с кем сказать и короткое слово и любезностями к приятному полу заняться. Князь с дамочкой сразу же очень разговорился: он интересовался, откуда она, и где воспиталась, и какое в таком далеком уездном городе находит для себя развлечение?

Она ему на все его вопросы отвечала очень смело и без всякого жеманства и открыла, что больше всего, будто, чтением книг занимается.

Князь спрашивает: какие она книги читает?

Она отвечает: Поль-де-Кока романы.

Князь засмеялся:

– Это, – говорит, – веселый писатель, – и спрашивает: – Что же вы именно читали: какие романы?

Она отвечает:

– «Кондитер», «Мусташ», «Сестра Анна» и прочие.

– А своих русских писателей не читаете?

– Нет, – говорит, – не читаю.

– А почему так?

– У них мало светского.

– А вы любите светское?

– Да.

– Почему же это так?

– Потому, что мы о своей жизни сами всё знаем, а то интереснее.

И тут говорит, что у нее есть брат, который сочиняет роман из светской жизни.

– Вот это любопытно! – сказал князь. – Нельзя ли хоть немножко видеть, что он там пишет?

– Можно, – отвечала дама, и на минуточку встала и принесла небольшую тетрадку, в которой Барятинский, взглянув только на первую страницу, и весь развеселился и подал ее Фаддееву, сказавши:

– Посмотрите, как бойко начато!

Фаддеев посмотрел на первые строки светского романа, и ему стало весело.

Роман начинался словами: «Я, как светский человек, встаю в двенадцать часов и утреннего чаю дома не пью, а езжу по ресторанам».

– Чудесно? – спросил Барятинский.

– Очень хорошо, – отвечал Фаддеев.

В это время все развеселились, а хозяин встал, поднял вверх бокал с шипучим цимлянским и говорит:

– Ваша светлость, прошу вашего позволения, ко всеобщему и моему удовольствию, в сей драгоцен-

ный для меня день дозволить мне изъяснить: кто я такой, и откуда и кому всем, чту имею к своему благоденствию, обязан. Но не могу я этого изложить в хладном слове человеческого голоса, так как я учен на самые мелкие деньги, а разрешите мне во всем законе моего естества при всех торжественно испустить глас природы!

Тут уже настало время самому фельдмаршалу сконфузиться, и он до того смешался, что нагнулся вниз, будто хотел салфетку поднять, а сам шепчет:

– Ей-богу, не знаю, что ему сказать: что это он такое спрашивает?

А дамочка, его соседка, щебечет:

– Не бойтесь, разрешайте: уж Филипп Филиппович дурного не выдумает.

Князь думает: «Э, была – не была, – пусть испущает голос!»

– Я такой же гость, – говорит, – как и все прочие, а вы хозяин – делайте, что вы хотите.

– Благодарю всех и вас, – отвечает смотритель и, махнув головой Амалии Ивановне, говорит: – Иди, жена, принеси, что ты сама знаешь, собственными твоими руками.

Глава шестая

Амалия Ивановна вышла и идет назад с большою, ярко отполированную медною валторною, и подала ее мужу; а он взял, приложил трубу к устам и весь в одно мгновение переменялся. Только что надул щеки и издал один трескучий раскат, как фельдмаршал закричал:

– Узнаю, брат, тебя, сейчас узнаю: ты егерского полка музыкант, которого я за честность над плутом интендантом присматривать посылал.

– Точно так, ваша светлость, – отвечал хозяин. – Я вам этого напоминать и не хотел, а сама природа напомнила.

Князь обнял его и говорит:

– Выпьемте, господа, все вдруг тост за честного человека!

И изрядно таки выпили, а фельдмаршал совсем выздоровел и уехал чрезвычайно какой веселый.

Впервые опубликовано – журнал «Осколки», 1883.